

В саду у Николая Петровича уже несколько лет живет маленькая верткая птичка с длинным подвижным хвостом. А вернее, две одинаковых птички. Только сразу это не поймёшь. Их редко можно увидеть вместе. Когда одна высиживает кладку, другая кормится. Потом они меняются. Вот и кажется, что птичка только одна. Каждую весну и лето они порхают с дерева на дерево на участке, роются по очереди в свежевскопанной земле вместе с шустрými крикливыми воробьями и, кажется, ничего и никого не боятся. Может, только Егорку, девятилетнего внука Николая Петровича. Мало ли что ему на ум взбрѣдет. Мальчишки, они есть мальчишки.

– Деда, смотри, опять воробышек около нас летает. А как правильно: воробышек или воробушек?

– Воробышка, – засмеялся Николай Петрович. – И так и этак говорят. По мне, так воробушек правильно. Ты вон с малых лет в компьютере сидишь. Забей в поиск да посмотри. И мне заодно скажешь.

– А почему этот воробушек на других не похож? – не унимается Егорка, поменяв букву в слове, чтобы угодить деду.

– Может, потому что это и не воробей вовсе? Воробьи – вон они. А это трясогузка. Видишь, она постройнее, и хвост у неё длиннее и постоянно в движении. А теперь скажи мне, почему птичка получила такое название.

Пока Егорка, уткнувшись в телефон, искал информацию о трясогузке, Николай Петрович принёс из домика чайник, две чашки и нарвал листья смородины и мяты. Заварил чай и сел на лавочку, вытянув уставшие ноги. Да, годы берут своё. Прошли те времена, когда он без усталости мог весь день, не разгибая спины, работать на огороде.

– Печенье или конфеты есть? – деловито поинтересовался внучок, убирая телефон.

– А ты приносил? – пошутил Николай Петрович. – Неси мою сумку. Всё есть. Только бабушке немного оставь. Она у нас тоже сладенькое любит.

Егорка откусил от баранки, отхлебнул чая и прошамкал:

– Тряшгогушка, потому што...

– Стоп! Прожуй сначала, а потом говори.

Егорка быстро задвигал челюстями.

– Попой она трясёт. То есть нет – гузкой. Но, по-моему, это одно и то же. Только ещё хвост добавляется.

И захохотал.

– Помнишь, как я в школе ответил, чем петух отличается от человека?

– Такое забудешь, – засмеялся и Николай Петрович.

В первом классе на уроке естествознания учительница спросила у ребят, чем птицы отличаются от людей.

Кто-то сказал, что у птиц есть крылья, другой ученик вспомнил про клюв. Егорка изо всех сил тянул руку. Он вспомнил песенку, которой его научил старший брат:

А люди не летают, не летают, как птицы,
Потому что отрасли большие ягодицы.

– Ну, Егорка, чем ещё отличаются птицы от людей?

– У птиц нет ягодиц! – громко и четко сказал ученик.

Учительница делала всё возможное, чтобы не расхохотаться. К её огромному удивлению, все остальные ребята, сохраняя серьёзные лица, задумались ненадолго, а потом согласно закивали головами.

– Да уж, было дело, – отсмеявшись протянул дед, – так что теперь ты легко запомнишь название этой пичуги.

– А детки у неё есть?

– Не знаю. Может, и есть. Только я гнезда не видел.

Николай Петрович лукавил. Гнездо с пятью малюсенькими яичками он давно нашел в дровнике. Или дровянике. (Они с Егоркиной бабушкой так и не сошлись во мнении, как правильно называть пристрой к бане для дров.) И теперь там уже появились птенчики. Внукам дед про гнездо не сказал: будут лазать туда, птиц тревожить. Разве удержатся мальчишки от любопытства? Спугнут птиц, погибнут птенцы. Чувствовал он свою вину перед ними.

В прошлом году в трубу дымохода то ли залетел, то ли свалился воробей. Николай Петрович понял это, когда пришел топить баню. Неизвестно, сколько времени в заточении провела несчастная птаха. Как позднее выяснилось – воробей. Он бился и ворочался в тесном пространстве, отчаянно пытаясь выбраться. Хозяин бани открыл дверцу топки, постучал по трубе – вылетай, мол. Птица от шума забила ещё сильнее. Тут Николай Петрович смекнул: «Надо посветить, чтобы пичуга увидела, куда лететь». Убежал в садовый домик за фонариком. Когда вернулся, шума и шороха уже не услышал. Посветил в топку на всякий случай, чтобы показать, куда надо выбираться – тихо. Постучал по трубе – ни звука! «Ну, слава богу, улетела», – подумал. Положил в печку бумагу, щепу, поленце и чиркнул спичкой. Бумага занялась сразу, но тут внутри бани повалил дым, а сверху прямо в огонь свалился воробей. Николай Петрович протянул в печь руки, вытащил полено, освобождая проход и хотел уже схватить и вытащить страдальца, но птица забила крыльями и, вылетев из печки, забила в угол баньки. Хозяин кинулся к нему – хотел помочь, сунуть обожжённые лапки птицы в бочку с холодной водой, чтобы снять боль, но воробей вспорхнул, вылетел из бани и улетел.

В тот же день Николай Петрович велел старшему внуку залезть на крышу и воткнуть в трубу старое металлическое ситечко. Как раз подошло по размеру. Всё, дым выходить будет, а птица внутрь не упадёт.

Зимой баней не пользовались, в сад хозяева ходили только снег почистить да птиц покормить. С нетерпением ждали весны. Удивительно – молодым работать в саду никак не хотелось, а с годами все больше и больше работа на земле притягивала.

– К земле пора привыкать, – шутила жена Николая Петровича. – Возраст.

Наступили теплые деньки, и Николай Петрович как-то в пятницу сказал за ужином:

– Завтра сезон открываем. Звони детям, скажи, будут шашлыки и баня.

Но когда он, придя в сад на следующий день, затопил деревянную, из соснового бруса сложенную небольшую, но такую любимую всеми баньку, дым пошёл не в трубу, как должен, а повалил из топки внутрь помещения.

Николай Петрович притащил самодельную старую лестницу, которая едва доставала до крыши, влез на неё и, поняв, что на крышу ему залезть не удастся, скомандовал жене:

– Тащи швабру. Похоже, за осень и зиму на ситечко сор налетел. Буду сбивать.

С трудом, привставая на носочки, дотянулся концом швабры до верхушки трубы, несколько раз ударил снизу вверх по её боковой стенке, где выступала ржавая сетка ситечка, и после нескольких попыток сумел всё-таки его сбить. Из трубы сразу повалил густой дым.

– Коля, смотри, мы ведь гнездо сбили, – позвала его жена, рассматривая разлетевшиеся веточки и скорлупки яиц. Над головами тревожно с щебетом летали две трясогузки. Они то садились на крышу бани, то через секунду взмывали вверх и перелетали на куст смородины, и опять на крышу, потом на ветку яблони...

– Ты хочешь сказать – я сбил? Я виноват? Откуда я знал, что там у них гнездо? И что мне было делать? Табличку им писать – не для строительства гнёзд, а чисто для вашей безопасности трубу закрыли? Чтоб не сгорели в печке?!

Николаю Петровичу надо было выпустить пар только потому, что он сам страшно расстроился. Жена махнула рукой и ушла прибираться в домик. А её муж несколько раз виновато взглянул на птичек, потоптался около скорлупок и вернулся к прерванному делу.

Но это было в прошлом году. А теперь он оберегал найденное гнездо. Радовался, что трясогузки не улетели прочь с их участка. Вернулись после зимы на старое место. Сразу, как только Николай Петрович обнаружив кладку яиц, он натаскал в предбанник из дровяника дров, завалив угол под самую крышу, чтобы до конца лета птиц уже не тревожить. Тогда он ещё не знал, что трясогузки всего-навсего две недели насиживают яйца. Потом вылупляются птенцы. Скорлупки родители уносят далеко от гнезда, поэтому внучата Николая Петровича и не догадывались о наличии птенцов. А ещё через две недели подросшие птенцы тоже покидают гнезда.

Хотя, возможно, он правильно натаскал дров побольше. Иногда птицы делают вторую кладку. Так что лучше подстраховаться.

Вчера вообще перепугался. Пришел в сад, а трясогузок нет. Подождал минут десять – не видно, не летают. Осторожно приоткрыл дверцу дровяника, заглянул – птенцы на месте. Все пятеро: маленькие, крепко

прижавшись друг к другу, они лежали тихо-тихо и даже клювики не открывали. Словно получили от родителей наказ лежать смиренно и не привлекать ничьего внимания. Глазки-бусинки блестят, а сами не шелохнутся. Закрыв дверцу, Николай Петрович сел на лавку перед баней и принялся ждать. Птиц не было. Он достал телефон, набрал номер:

– Наташа, где у мальчишек сачок, не знаешь?.. Зачем-зачем. Трясогузок нет... Давно уже, минут десять точно... Как ты думаешь, может, мне сачком мошек наловить, птенцов-то кормить надо.... А, всё, вернулись. – обрадованно завертел он головой, услышав знакомое щебетанье. – Ну ладно, некогда мне тут с тобой разговаривать. Делом надо заняться.

И Николай Петрович, сунув телефон в карман куртки, тихонько отошёл от бани подальше.

Егорка напился чаю с баранками и пошел прыгать на батуте. Ну, прыгать – это громко сказано. Так, посмотреть на мир сквозь защитную сетку да раза два невысоко подпрыгнуть. Это если оба внука в саду, то одновременно каждому надо скакать по часу. Тут и до драки может дойти. А когда делить батут не с кем, то и прыгать никто не хочет.

– А- а-а! –вдруг раздался громкий крик Егора. – Там огромная муха внутри! Деда, прогони!

Николай Петрович подошёл и увидел в самом низу на сетке большого мотылька.

– Он ничего тебе не сделает, залезай и прыгай.

Но Егорка спрятал руки за спину и сделал шаг назад.

Николай Петрович нашел палку и хлопнул по сетке. Мотылёк перелетел на другую сторону. Теперь уже Егорка хлопнул прутиком по сетке – мотылёк перелетел в сторону, но вылетать не спешил.

– Ну что ты какой глупый! – возмутился мальчонка. – Вылетай! Верх открытый, не видишь, что ли?

Мотылёк, вспорхнув в очередной раз, сел на верх сетки, и тут откуда ни возьмись на него налетела трясогузка. Она схватила несчастное насекомое, перелетела в траву и, наступив одной лапкой на мотылька, разорвала его на две части. Потом, крепко держа в клюве половинку погибшего мотылька, вспорхнула на ветку дерева, перелетела на сарай, оттуда на крышу бани. Посидела, повертела головой и перелетела на бочку с водой, оттуда опять на яблоню, на жёлоб бани и, решив, что достаточно всех запутала, быстро нырнула в дровяник. Мальчонка ничего не заметил.

– Вот смотри, Егорка, всё говорят, что из живых организмов только человек обладает разумом. А животные, и тем более букашки всякие, – глупые создания. Живут только инстинктами. А мотылёк-то не случайно вылетать не хотел. От птиц прятался. Откуда он знал, что его уже выследили и караулят?

– Все жить хотят, – весело крикнул Егорка, залезая внутрь батута. – И есть. Одним чаем сыт не будешь. Деда, чем меня кормить будешь?

Распустившиеся ирисы легонько качались на длинных стеблях, маленькие маргаритки и анютины глазки буйно цвели на клумбе, благоухали пышные величественные пионы, а две маленькие и шустрые трясогузки без усталости выискивали пропитание своим детям.

– Красота-то какая, – протянул Николай Петрович. – И жизнь хороша, и жить хорошо! Ну что, человеческий детёныш, хватит уже скакать. Пойдём, кормить тебя буду.